

впечатления, присоединяется типично «маяковская», непредставимая гипербола:

... слово ...
звенит века и подползают поезды
лизать поэзии мозолистые руки (10, 287).

Цветаева неправа, утверждая, что «Маяковский-поэт весь переводим на прозу, то есть рассказуем своими словами, и не только им самим, но любым»⁸. Если «прозой» и «своими» (т. е. «маяковскими» же) «словами» сказать, что поезды подползают к поэзии, чтобы лизать ее мозолистые руки в то время, когда она, в виде поэтического «слова»-лошади почему-то и куда-то мчится, сама себе «подтянув подпруги», то получится просто абракадабра. Нельзя пересказать, и в этом, как давно всем известно, тоже показатель, хотя и грубо приближительный, истинности поэзии. Правда, Цветаева этого отрывка не знала, да ведь не в нем именно дело.

«Слов набат» подобно «я тоже фабрика...» или «я себя советским чувствую заводом...» подобно триумфальному смотру «поверх зубов вооруженных войск»,

что двадцать лет в победах
пролетали... (10, 282)

— все сводится к сокровеннейшему и вместе с тем громко обнародованному, как заявление «всем», страстному признанию:

Я хочу быть повят моей страной... (7, 429).

А ведь это, если брать широко, вне неисчислимых подробностей конкретно-исторического порядка, — важная составная часть, или, точнее, конечная главная цель при оформлении классического национального стиля.

Нередко поминается пушкинское суждение 1825 г. о том, что из-за несовершенства русского «метафизического языка» и вообще нестабильности прозаического стиля «даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных»⁹. То есть отмечено и одобрено решительное, прямо революционное воздействие на живой обиходный язык с целью «создания» (это Пушкиным подчеркнуто) некоего, строго говоря, искусственного *по способу возникновения*, но в высокой степени целесообразного литературного языка. Органичность основы не исключается известной насильственностью преобразования, как и наоборот. Показатель того — менее популярная мысль, выраженная Пушкиным через три года.

В связи с предстоящей публикацией «Бориса Годунова», в предчувствии грядущих «затруднений» (что, между прочим, вынудило автора к дополнительной работе над предисловием, так и не получившимся), Пушкин с видимым простодушием заявляет свой «скептицизм» относительно спора «сект» «закоснелых классиков» и «фантастических романтиков»¹⁰. В возражении первым: «Пустые формы, обряды должны ли непременно поработать литературную совесть?» — он снимает важное слово «пустые» и заменяет «непременно» на «суеверно», сообщая тем самым своей мысли более широкий и общий смысл, утверждая правомерность новаторства. Но затем следует урок новаторам — «романтикам»: «Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря

⁸ «Литературная Грузия», 1967, № 9, с. 66.

⁹ Пушкин А. Полное собрание сочинений в 16 томах. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1937—1947, т. 11, с. 34.

¹⁰ Там же, с. 66, 337, 338. Эти характеристики из чернового автографа в беловике опущены.